Перепись–2002 на Алтае

Ален Блюм, Елена Филиппова

В качестве объектов для наблюдения нами были избраны два граничащих между собой субъекта Федерации – Республика Алтай и Алтайский край[1], в каждом из которых ситуация накануне переписи и сопутствовавшие ей дебаты, а также сам процесс сбора информации о населении отличались определенными особенностями.

В Республике Алтай основным сюжетом накануне и в ходе переписи стал так называемый национальный вопрос, специфика которого в данном случае была обусловлена коллизией, связанной с получением несколькими группами, считавшимися в советской этнографической традиции «субэтносами в составе алтайцев», статуса коренных малочисленных народов. Это породило своего рода конкуренцию между различными формами самоидентификации у этих групп: национальной, в значении, типологически близком к региональной гражданской идентичности («алтайцы»), и этнической, соотносимой с локальной автономией (например, «теленгиты»). Нам удалось также наблюдать вовлечение в данный процесс местной этнической элиты и представителей власти на примере небольших локальных общностей, проживающих изолированно в труднодоступных районах.

В Алтайском крае, а точнее, в его столице – Барнауле, мы зафиксировали проблемы, более традиционные при проведении переписей. Национальный вопрос не приобрел здесь сколько-нибудь заметной актуальности благодаря абсолютному преобладанию русских (на начало 2001 г. – 90%[2]) и затронул, похоже, лишь те категории населения, которые сталкивались с проблемами при попытке указания своей «национальной принадлежности» в ходе предыдущих переписей (в

---

[1] Для понимания ситуации важно иметь в виду, что в течение 70 лет советской истории (1922–1991) они составляли единое административно-территориальное образование, причем Горно-Алтайская (до 1948 г. – Ойротская) автономная область входила в состав Алтайского края на правах национально-территориальной автономии.

[2] Демографический ежегодник Алтайского края. Барнаул, 2001. С. 90–91.

частности, российских немцев). Основные трудности были связаны с неудачной формулировкой некоторых вопросов переписного листа (в том числе о языках); с отказом граждан от участия в переписи или с невозможностью, по разным причинам, обеспечить доступ переписчика в те или иные жилые помещения; с недостаточной координацией действий различных структур, вовлеченных в проведение переписи (в том числе, милиции, крайкомстата и пр.).

В ходе нашей короткой экспедиции мы встречались и беседовали с представителями разных социальных групп – сотрудниками местной администрации, лидерами и активистами общественных национальных организаций, учеными, журналистами, сельской интеллигенцией, крестьянами и пр. Просмотрели краевую и республиканскую печать за три предпереписных месяца на русском и алтайском языках. В алтайских газетах нашли большое количество проблемно-дискуссионных статей по поводу регистрации национальной принадлежности в ходе переписи[3]. В русскоязычной печати в основном публиковались официальные сообщения Госкомстата РФ и местных органов статистики.

Республика Алтай

В первые же часы работы в Горно-Алтайске, столице Республики Алтай, стала очевидна важность полемики по поводу теленгитов, получивших в 2000 г. статус коренного малочисленного народа. Суть ее сводится к противостоянию двух точек зрения: сторонники первой отстаивали единство республики Алтай и ее «титульного» этноса – алтайцев. Их оппоненты, выступая за приоритет интересов коренных малочисленных народов, призывали теленгитов заявить о себе как об отдельном этносе. Этот сюжет постоянно возникал в ходе наших многочисленных встреч и бесед (как в Горно-Алтайске, так и в труднодоступных селах Улаганского района, где компактно проживают теленгиты), даже если мы специально не затрагивали эту тему. Он также был основным в публикациях газеты «Алтайдын чолмоны», посвященных проблеме переписи.

[3] Отобранные нами публикации были переведены с алтайского языка Светланой Тюхтеневой, научным сотрудником Института гуманитарных исследований Республики Алтай.

Проблема разделения алтайцев на малочисленные этносы

Статус малочисленных народов регулируется в настоящее время законом РФ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов»[4]. Согласно ст. 1 этого закона коренными малочисленными народами признаются «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тыс. человек и *осознающие себя самостоятельными этническими общностями»*[5] (курсив наш. – *Авт.*). В 1993 г. статус коренных малочисленных народов получили телеуты и кумандинцы[6], а в 2000 г., наряду с теленгитами, тубалары и челканцы[7]. Все они до этого в советской и российской этнографической литературе рассматривались как субэтнические группы в составе алтайцев и учитывались в переписях 1959, 1979 и 1989 гг. как алтайцы, а большая часть кумандинцев и телеутов, особенно вне пределов Горно-Алтайской АО, – как татары. Численность «алтайцев», вместе с самой крупной группой – алтай-кижи, составляла в 1989 г. в Российской Федерации 69,4 тыс. человек, в т. ч. в Горно-Алтайской АО 59,1 тысяч.

Выделение из состава «алтайцев» пяти самостоятельных народов неминуемо приведет к уменьшению численности «титульного» этноса республики. Среди местной элиты распространено опасение, что, если алтайцев окажется менее 50 тыс. человек, они автоматически перейдут в разряд коренных малочисленных народов, а это приведет к упразднению Республики Алтай. Наличие конституционных оснований для такого развития ситуации не обсуждается. Наибольшее опасение в данном контексте вызывает самоидентификация теленгитов, как самой крупной общности (по оценкам, их может оказаться до 17 тыс. человек, тогда как численность тубаларов лишь около 2,5 тыс., челканцев – около 1,5 тыс.; большинство кумандинцев и

---

[4] Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82–ФЗ. Принят Государственной Думой 16 апреля 1999 г. Одобрен Советом Федерации 22 апреля 1999 г.

[5] Это определение практически дословно взято из Закона РФ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера» (1966), где понятие «коренные малочисленные народы Севера» сформулировано впервые в законодательной практике СССР. До принятия специального федерального закона, регулирующего правовой статус этой категории населения, государственная политика в отношении КМНС основывалась на нормах, прописанных в целом ряде законодательных и нормативных актов – от Земельного и Лесного кодексов и Федерального закона «О животном мире» до Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и «Основ законодательства РФ о культуре».

[6] Постановление Совета национальностей ВС РФ от 24 февраля 1993 г.

[7] Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 225.

телеутов проживают за пределами РА, их общая численность в республике не превышает 1 тыс. человек)[8].

Осознав грозящую «опасность», Государственное Собрание Республики Алтай в июне 2001 г. обратилось к председателю Правительства РФ М. Касьянову с просьбой об изменении текста Постановления Правительства РФ № 225 от 24 марта 2000 г., а именно о том, чтобы в Едином перечне коренных малочисленных народов кумандинцы, тубалары, теленгиты и челканцы были записаны как алтайцы-кумандинцы, алтайцы-тубалары, алтайцы-теленгиты и алтайцы-челканцы. «Такая запись, – говорилось в письме Госсобрания, – соответствует историческому прошлому и настоящему. Это единый алтайский народ (алтайский этнос) с единым алтайским литературным языком, но с определенным диалектическим (так в тексте. – *Авт.*) различием в бытовом разговоре»[9]. Примечательна заключительная фраза письма, где председатель Госсобрания РА Д. Табаев просит ускорить рассмотрение обращения, «поскольку в 2002 г. предстоит перепись населения». Одновременно письмо за подписью Д. Табаева было направлено и директору Института этнологии и антропологии РАН В. Тишкову. В нем было сформулировано предложение при переписи населения в Республике Алтай указывать национальную принадлежность кумандинцев, тубаларов, теленгитов и челканцев через дефис с этнонимом «алтаец», а вместо «алтай-кижи» писать просто «алтайцы». Интересно, что про телеутов ни в том, ни в другом письме вообще не упоминается (в списке национальностей переписи 1989 г. под общей рубрикой «алтайцы» перечислены алтай-кижи, тубалар, теленгет [не «теленгит»! – *Авт.*], телеут, куманды).

В свое время именно обращения Госсобрания и правительства Республики Алтай стали основанием для включения кумандинцев, челканцев и тубаларов в Единый перечень коренных малочисленных народов «в целях создания правовой основы возрождения, сохранения, развития, защиты прав и интересов данных народов»[10]. В то время такое включение не только не вызывало противодействия республиканской власти, но, напротив, выглядело весьма желательным, поскольку

---

[8] Подсчитано по: «Справка о местах компактного проживания коренных малочисленных народов Республики Алтай по данным похозяйственных книг на 1 января 1997 г.» (приложение к Письму Первого заместителя председателя правительства РА Ю. Антарадонова Министру национальной политики РФ Р. Абдулатипову. 29 декабря 1998 г. – см. электронный архив ИЭА РАН).

[9] Документ находится в электронном архиве ИЭА РАН.

[10] Письмо первого заместителя Председателя Правительства РА Ю. Антарадонова Министру национальной политики РФ Р. Абдулатипову. 29 декабря 1998 г. (см. электронный архив ИЭА РАН).

статус коренного малочисленного народа предполагает определенные льготы и преимущества, в том числе материальные.

Однако перепись стала поводом для пересмотра позиции республиканской политической элиты по этому вопросу и породила активную общественную дискуссию. Одна сторона в этой дискуссии – сторонники единства алтайцев, считающие его необходимым условием стабильности республики и опасающиеся, что разделение на малочисленные этнические группы будет способствовать «губернизации», которая, по их мнению, уже началась. Эта позиция характерна в основном для городского населения и для алтайской интеллектуальной элиты. Она активно пропагандировалась в алтайскоязычной печати и почти не отражена в прессе русскоязычной. Глава республики Алтай М. Лапшин, русский по происхождению, заявил, что он в ходе переписи запишет себя алтайцем.

Специальную резолюцию в связи с предстоящей переписью принял состоявшийся 17 сентября 2002 г. в Горно-Алтайске III съезд алтайского народа. В ней представители титульного этноса утверждали, что «Перепись 2002 г. наносит большой удар по единству алтайского народа, достигнутому в течение XX в. Только два российских народа оказались разделены в связи с переписью: это татары и алтайцы. Но если органы власти РТ обращают особое внимание на исправление этой разрушающей ситуации, то в РА ни первые руководители, ни парламент, ни правительство не высказали по этому поводу своего мнения, пытаясь тем самым обезопасить себя. Время, оставшееся до всеобщей переписи, нужно использовать для исправления ситуации»[11].

Республиканская газета «Алтайдын чолмоны» обрушилась с резкой критикой на список национальностей, подготовленный к переписи, назвав его «инструкцией по разделению алтайцев на этносы»[12] и обвинив «ученых из Москвы» в том, что они «поддерживают политическое стремление раздробить народы, тем самым лишив их будущего»[13]. Досталось и местному госкомстату. Приведенный в подписанной пресс-службой госкомстата РА по переписи статье «Кто я?» список этнических групп, включаемых традиционно в состав алтайцев [«алтайцев подразделяют на северных (туба, челканцы, кумандинцы, шорцы) и южных (теленгиты, телесы, телеуты и алтайцы)»][14], стал поводом для упреков в некомпетентности и в том, что «люди других нацио-

[11] «Алтайдын Чолмоны». 2002. 24 сентября.
[12] «Алтайдын Чолмоны». 2002. 26 сентября.
[13] «Алтайдын Чолмоны». 2002. 27 июля.
[14] «Алтайдын Чолмоны». 2002. 26 сентября.

нальностей, не знающие нашего языка, истории, религии, вмешиваются в наши внутренние дела, учат нас и издеваются над нами»[15].

В. Кыдыев, бывший депутат Госсобрания РА, журналист, один из наиболее активных авторов «Алтайдын Чолмоны», выступающий против разделения алтайцев на малочисленные народы, в беседе с нами привел типичные аргументы в пользу своей позиции, многократно повторяющиеся на страницах этой газеты. История вопроса в его изложении выглядит следующим образом: «В 1992–1993 гг. некоторые люди задумались о возможности получения денег с помощью приобретения статуса малочисленных народов. Инициатива разделения исходила и исходит как от самих теленгитов, так и от московских ученых (впрочем, позже в разговоре он признает, что процесс пошел "снизу", из районов, а не является результатом манипуляций извне. – *Авт.*). Теленгиты получили в результате причисления к коренным малочисленным народам, помимо финансовой выгоды (впрочем, достаточно иллюзорной), определенные льготы: освобождение от военной службы, снижение пенсионного возраста и некоторые другие». Между тем, подчеркивает В. Кыдыев, исследования местных ученых «показывают, что все эти группы, выделяемые при переписи, имеют общее происхождение». Наконец, он высказывает опасения относительно возможности исчезновения республики в случае разделения народов. Газетные заголовки, кстати, отлично иллюстрируют атмосферу, порождаемую этими страхами: «В сердце останется боль» (2002. 3 августа), «Открытое письмо братьям и сестрам, живущим в Улаганском и Кош-Агачском районах» (2002. 29 сентября), «Чтобы остаться алтайцем» (2002. 16 августа) и т. д.

Очевидно, что концепция национальной республики и национальности имеет в этой дискуссии скорее государственнический, чем этнический оттенок. Это подтверждают и другие наши интервью. Приведем некоторые характерные мнения:

«Почему люди хотят выделиться как малые группы? Потому что им пообещали льготы. Многие во время переписи собирались записываться не алтайцами, а кумандинцами, теленгитами и пр. Иногда мне кажется, что это *государственная политика, которая идет сверху*. Чтобы государство было устойчивым, оно должно быть однородным. А у нас большая этническая пестрота. Между тем, чем меньше группа, тем быстрее она ассимилируется. *Через временное разделение идет курс на унификацию*. Если человек хорошо знает свою культуру, религию, его гораздо труднее ассимилировать. Иное дело – когда традиционная

[15] «Алтайдын Чолмоны». 2002. 5 октября.

культура и менталитет утрачены или частично размыты. В конечном счете эта политика приведет к исчезновению нашего мировоззрения и культуры» (Онгудайский р-н).

«Что такое теленгиты? Это те же алтайцы, у них такой же язык, такие же обычаи, одежда. *Все эти игры с малыми народами нужны определенным людям.* Те деньги, которые им положены по закону, теленгиты все равно не видят и не увидят» (Онгудайский р-н).

«Я знаю, что в Улагане проводилась такая агитация, чтобы записывались теленгитами, но я считаю, что это политически ошибочно. Так мы *можем потерять свою государственность*. Это выгодно центру, поэтому можно предположить, что *эти идеи идут сверху*. А наши местные власти просто пустили все на самотек, пусть, мол, кто как хочет, так и определяет свою национальность. Это, конечно, частное дело каждого, но только в повседневной жизни. А во время таких общегосударственных мероприятий, как перепись, такой подход не годится. С людьми надо работать. Надо было им разъяснить, почему нужно записываться алтайцами, а этого никто не сделал». (Кош-Агачский р-н).

Другая позиция в дискуссии – позиция регионалистская, ярко проявляющаяся в отдаленных селах, связь с которыми затруднена. Здесь теленгиты считаются отдельным от алтайцев этносом. Эта позиция находит приверженцев благодаря тем благам, которые сулит теленгитам статус коренного малочисленного народа: материальные выгоды, о которых, впрочем, больше говорят, нежели они реально существуют; возможность противостоять купле-продаже земель в местах компактного проживания теленгитов, преимущественные права на доступ к высшему образованию, включая специальные стипендии в некоторых вузах Санкт-Петербурга, Москвы и других городов – последнее, как ожидается, позволит сформировать региональную элиту и исправить существующее до настоящего времени положение, когда во властных структурах республиканского уровня, в том числе в среднем и даже низшем эшелонах, отсутствуют выходцы из Улаганского района. Для сторонников этой позиции характерно стремление к самоизоляции, опасение перед развитием туризма, облегчением доступа в регион «посторонних».

Накануне переписи, в июне 2002 г.[16], в Улаганском районе среди населения была распространена «анкета», содержавшая один-единственный вопрос: «в ходе предстоящей переписи как вы ответите на вопрос о национальной принадлежности?», на который было пре-

[16] Время проведения опроса обусловлено тем, что в большинстве сел района, как в труднодоступных, перепись проводилась досрочно, в августе 2002 г.

дусмотрено три варианта ответа: «алтаец», «теленгит» и «алтаец-теленгит». Этот опрос был организован зайсаном (старейшиной) теленгитов В. Попошевым. В беседе с нами он настаивал на том, что целью данного мероприятия была отнюдь не агитация, «как это пытаются представить в Горно-Алтайске», а простое выяснение того, «что люди о себе думают». По словам В. Попошева, опрос охватил 60–70% теленгитов Улаганского района, а полученные ответы распределились следующим образом: 50% заявили о себе как о теленгитах, 20% – как об алтайцах и 25% выбрали вариант «алтаец-теленгит». Оставшиеся 5% на поставленный вопрос не ответили. Исходя из этого, он прогнозирует, что по результатам переписи «теленгитами» окажется не менее половины населения района.

Говоря об истории получения теленгитами статуса коренного малочисленного народа и о причинах, по которым это стало необходимо, В. Попошев рассказал, что такая инициатива выдвигалась еще в начале 1990-х гг., но тогдашний руководитель Горно-Алтайской АО В. Чаптынов счел ее несвоевременной, поскольку тогда важно было отделиться от Алтайского края и провозгласить свою республику. После того как этот вопрос был решен, делу удалось дать ход, и в конце концов было принято соответствующее решение Правительства РФ. Прежде всего статус малочисленного народа ценен тем, что позволяет сохранить территории традиционного землепользования от скупки людьми со стороны, новыми богатыми, что уже происходит местами по берегам Телецкого озера. Таким образом, речь идет в первую очередь о защите коллективной собственности, и лишь потом о финансовых вливаниях. Все это, по мнению В. Попошева, никоим образом не угрожает единству республики. Тем не менее, «отделение» теленгитов породило определенные трения в отношениях с республиканским центром. Так, на вопрос о том, почему на страницах газеты «Алтайдын чолмоны» представлена только одна точка зрения, наш собеседник признался, что даже не пытается посылать туда свои статьи из опасения, что их содержание будет искажено.

В целом, насколько мы могли заметить, значительная часть населения Улагана и окрестных сел идентифицирует себя как теленгиты («конечно, теленгиты!»; «в сердце своем мы все теленгиты» и пр.), хотя есть и носители двойной, алтайско-теленгитской идентичности. Суть предпереписных дебатов большинству известна и понятна, и, решая для себя вопрос о том, как указать национальность, улаганцы принимают во внимание главный аргумент в дискуссии – относительно реальной или мнимой угрозы существованию республики. Соответственно и строят свои рассуждения:

«Переписчик к нам уже приходил, мы все четверо (муж, жена, двое детей – младшему 6 месяцев. – *Авт.*) записались как теленгиты. А кто же мы еще? *Алтайцы – это искусственное имя, его придумали русские.* До этого нас еще ойротами называли, инородцами... Все эти *разговоры о том, что республику могут ликвидировать, просто глупость.* Вернее, *если центр захочет это сделать*, он это сделает, только *перепись тут будет совершенно ни при чем*».

«Как записываться – для меня не вопрос. *Я всегда знала, что я теленгитка,* так и запишусь. А мой муж и сын – не теленгиты, у нас национальность всегда определяется по отцу. Мой отец был теленгитом, так что меня теленгиты воспитали. Статус КМН – это хорошо, например, наших детей не должны посылать служить в "горячие точки". На самом деле, конечно, это все не соблюдается, все равно посылают».

«Я, конечно, буду записываться как алтаец, *хотя я теленгит.* Но если алтайцев окажется мало, *мы можем потерять республику*. Так писали в газете».

Интересно, что «в газете» публикации, обращенные к теленгитам, призывая их записаться алтайцами, делают акцент на том, что такая запись ничего по сути не изменит: «Я не призываю вас забыть о том, что вы теленгиты. Это знание останется в каждом из нас. Но в мире нас знают как алтайцев, и пусть это так и будет»[17]; «...даже когда у нас в паспортах было записано, что мы алтайцы, мы продолжали считать себя теленгитами. И если в переписи мы запишемся как алтайцы – это ничего не изменит»[18].

Только отдельные чиновники местной администрации пытаются отрицать существование проблемы и настаивают на принадлежности подведомственного им населения к алтайскому этносу. Один из них утверждал даже, что нынешняя перепись станет последним поводом для дебатов по «национальному вопросу», и что так же, как графа о национальности исчезла в новом российском паспорте, так сам этот вопрос скоро уйдет в область воспоминаний и будет интересовать лишь некоторых этнографов и статистиков.

Трудно на данном этапе исследования судить о том, в какой мере это кажущееся единство осознания себя теленгитами является результатом местной пропагандистской кампании, а в какой отражает традиционные ощущения и представления населения, которые было невозможно открыто выражать в годы советской власти. В частности, при записи актов гражданского состояния, которые совершались на

---

[17] Открытое письмо братьям и сестрам, живущим в Улаганском и Кош-Агачском районах //«Алтайдын Чолмоны». 2002. 29 сентября.

[18] «Алтайдын Чолмоны». 2002. 3 августа.

основе паспортных данных, единственно возможной формой указания национальности для теленгитов была «алтаец (-ка)».

Нужно упомянуть еще о политониме «ойрот», который также присутствует в предпереписных дебатах, хотя и занимает периферийное положение. В период существования Ойротской автономной области такое название носило ее «коренное» население, что отражено в результатах переписей 1926, 1937 и 1939 гг. Это наименование сохраняется в народной памяти, причем ассоциируется оно не только с коротким периодом в советской истории, но и с древним государством ойротов, потомками которого считается нынешнее тюркоязычное население Горного Алтая. Одна из публикаций в «Алтайдын чолмоны» предлагает «коренному народу», «вместо того чтобы делиться по диалектам, назваться историческими этнонимами "теле", "тюрк", "ойрот", вспомнив своих предков»[19]. Видимо, автору этого предложения кажется, что заявившие о себе как о самостоятельных народах теленгиты, тубалары, челканцы скорее согласятся идентифицировать себя с историческими предками-ойротами, нежели вернуться к данному им русскими этнониму «алтайцы», который ассоциируется в первую очередь с алтай-кижи, численно преобладающей южно-алтайской этнической группой, вокруг которой в советское время конструировался «алтайский этнос».

Нам, однако, встретился только один теленгит (из Кош-Агачского района, где агитация в пользу теленгитской идентичности не проводилась), заявивший о желании назвать себя ойротом. Приведем фрагмент из интервью с ним:

«А мне не нравится это название – алтайцы. Вот раньше нас называли ойротами, это лучше. Это название так гордо звучит, агрессивно – «ойрот». У нас в Кош-Агаче в каждом доме есть оружие всякое, нарезное и прочее. Охотники же все. У нас шести–восьмилетнего пацана на сурка с одним патроном пошли – убьет обязательно. Нас и в Чечню поэтому посылают охотно, что мы снайперы хорошие. Я запишусь ойротом обязательно. Они же должны меня так записать, как я им скажу. Вообще нужно было накануне переписи обратиться ко всему народу, чтобы все записались ойротами, а теперь, конечно, уже поздно». Не исключено, впрочем, что в этой нарочитой агрессивности присутствует элемент эпатажа, игры на зрителя.

[19] «Алтайдын Чолмоны». 2002. 16 июля.

Национальность, народ или сеок?

Наши полевые наблюдения свидетельствуют о том, что дискуссия по поводу единства или разделения ведется преимущественно с позиций регионализма или централизма, в то время как такие «этнографические» аргументы, как язык или культура, привлекаются гораздо реже. Причем, если сторонники единства алтайцев их все же иногда используют («...в Улагане и Кош-Агаче живут настоящие алтайцы. Предки живущих в центральном Алтае пришли с Улагана, с Телецкого озера. Мы – единый народ, у нас одна история, одна родина. Мы все из одного гнезда, из сердцевины древнетюркского народа»[20]; «по мнению лингвистов, язык, на котором говорят теленгиты, – даже не диалект, а говор»[21] и пр.), то теленгиты на своей «особости» вообще не настаивают (по крайней мере, нам с такой позицией столкнуться не пришлось; этот вопрос требует дополнительного исследования). Не актуализированы и исторические аргументы, мифы «этногенетического» содержания.

Эта кажущаяся странность объясняется, на наш взгляд, существованием иной формы идентичности, которая не учитывается при проведении переписи. Речь идет о категории «сеок» (от алтайского «кость»), представляющей собой патрилинейное экзогамное подразделение, которое большинство исследователей отождествляют с понятием «род» и границы которого не совпадают ни с этническими, ни с административно-территориальными. Для всех без исключения, с кем мы беседовали, именно принадлежность к сеоку является наиболее важной и очевидной формой идентичности.

В январе 2002 г. Институт гуманитарных исследований Республики Алтай, Курултай алтайского народа, Ассамблея народов Республики Алтай, совет зайсанов (старейшин) Алтая и общественная организация «Эне тил» («Родной язык») обратились в Правительство РА с просьбой провести родовую (сеочную) перепись[22] совместно с всероссийской переписью населения. Реализовать это предложение не удалось, поскольку российский закон о переписи запрещает совмещать это мероприятие с какими-либо иными опросами. Однако, как сообщил нам председатель Курултая алтайцев (Эл башчи), сеочная перепись все равно будет организована в ближайшее время силами сельских администраций. Кстати, сам Эл башчи, до того как стать предсе-

[20] Открытое письмо братьям и сестрам...
[21] «Алтайдын Чолмоны». 2002. 3 августа.
[22] Сеочный принцип был положен в основу переписи населения Горного Алтая в 1897 г. С тех пор родовая перепись не проводилась.

дателем курултая алтайцев, был зайсаном кыпчаков (одного из крупнейших сеоков). Он убежден в том, что родовая принадлежность гораздо более важна, чем принадлежность к какой-либо национальности, важна прежде всего символически: ведь кыпчаков, по его словам, может быть, 150 млн. (не только на Алтае, но также в Казахстане, Узбекистане, Монголии), тогда как алтайцев – только 60 тысяч. В подтверждение важности категории сеока (рода) он отрицает всякое значение этнического происхождения в концепции национальности, как бы она ни обозначалась – как «алтаец» или «теленгит» Этноним «алтаец» привнесен извне, русскими, вопреки логике родовых связей, которые не вписываются в их схему. Поэтому разделение на народы (этносы) для нашего собеседника лишено всякого смысла. В то же время, категорию *национальность* он не отрицает: «мне же не придет в голову назваться при переписи кыпчаком, потому что это – не национальность. По национальности я – алтаец, как и все мы». Очевидно, и в этом случае национальность трактуется в политическом (регионально-гражданском) аспекте.

Сеок как социальный институт и сегодня играет заметную роль в алтайском обществе. Местные жители без малейших колебаний называли нам свою родовую принадлежность. Считается нормальным, если человек знает своих предков до седьмого колена. До сих пор в основном соблюдается экзогамия. Конечно, нарушения бывают, но они вызывают общественное осуждение. Существуют представления о наличии общих поведенческих черт, психологического склада и фенотипа у принадлежащих к одному сеоку. Осознается проблема определения сеочной принадлежности детей, рожденных вне брака или в смешанных браках, где отец – не алтаец. Так, Эл башчи рассказал нам, что он через газету обратился к матерям-одиночкам с призывом, чтобы они, по достижении их детьми 15–16-летнего возраста, сообщали им, к какому сеоку принадлежит их отец.

Мифы, связанные с происхождением, также привязаны в первую очередь с сеоку, а не к «этносу». Каждый сеок имеет свою историю, своего общего предка (это может быть не только человек, но также животное, птица, рыба и т. п.).

Влияние сеоков на политическую жизнь наши информанты отрицают. Экзогамия, предопределяющая брачные связи между различными сеоками, одновременно затрудняет конфликты между ними. По словам одного нашего собеседника, «сеоки все сильно взаимосвязаны. У меня, например, пять дочерей, и их мужья из пяти разных сеоков. Поэтому такого, как в Чечне, где существуют враждующие между со-

бой кланы или тейпы, у нас быть не может». Судя по всему, связи между принадлежностью к сеоку и местом во властной иерархии нет.

Еще одна традиционная функция сеока, о которой иногда вспоминают с ностальгией, – функция института обычного права. Утверждают, что для человека, совершившего правонарушение или общественно неприемлемый поступок, гораздо более значимым может быть осуждение старейшин (зайсанов), чем суд и приговор. Впрочем, эти высказывания носят скорее характер абстрактных сожалений, нежели требования включения норм обычного права в юридическую практику.

Важность родовой (сеочной) идентификации, отмеченная нами повсюду – в Улаганском, Онгудайском районах и в Горно-Алтайске, – отчасти объясняет тот факт, что дебаты по «национальному вопросу» имеют по преимуществу региональный, локальный аспект и слабо связаны с этническими аргументами. Двойственная природа групповой идентичности лежит в основе этих дебатов. С одной стороны, различные группы населения связаны с определенными территориями, даже конкретными селами. Эта территориализация порождает оппозицию республиканской и местных элит, первая из которых более мобильна и мыслит себя в общереспубликанском контексте, вторые же тесно связаны с определенным местным сообществом и потому требуют признания локальных различий. С другой стороны, люди осознают свою принадлежность к экстерриториальным родовым объединениям, иногда распространяющимся за пределы территории России и восходящим к древнему тюрко-монгольскому единству. Эта детерриториализация, впрочем, не порождает требований воссоединения в политическом смысле и не используется в качестве сепаратистского аргумента.

Перепись, осуществляющая привязку населения к территории, породила, таким образом, дебаты вокруг административной и локальной идентичности. При этом собственно этнографические аргументы в пользу признания теленгитов, тубаларов, и прочих малочисленными народами, практически не использовались в предпереписных дискуссиях.

Проблемы, не связанные с национальностью, и участие представителей местных властей в переписи

Вмешательство местных властей в проведение переписи было обусловлено случаями отказов населения от участия в этом государственном мероприятии. Так, в селе Балыктуюль Улаганского района под

влиянием проповедей местного православного священника несколько семей отказались от участия в переписи, ссылаясь на запрет церкви. Заместитель главы районной администрации несколько раз ездил в это село, беседовал с батюшкой и с верующими, показывал им обращение епископа Бийского и Алтайского Максима, призывающее к участию в переписи. Эти усилия увенчались успехом.

Рассказывая нам об этом случае, этот чиновник не выражал какого-либо осуждения в адрес верующих или священника. Его заботой было лишь добиться, чтобы население района было как можно полнее охвачено учетом. Возможно также, что он хотел продемонстрировать нам, что власть имеет определенное влияние на население.

Алтайский край

В столице Алтайского края г. Барнауле мы столкнулись с другими проблемами – так, очевидно, что значение «национального вопроса» и само восприятие переписи были совершенно иными. Соответственно отличался и характер нашей работы. Мы встречались с переписчиками, с представителями крайкомстата и Госкомстата, работниками прессы и телевидения, учеными и преподавателями, активистами русско-немецкого дома.

Язык и национальность

Определение переписываемыми своей национальной принадлежности не вызывало особых проблем. Переписчики записывали ответы со слов опрашиваемых, ничему не удивляясь. На этот счет была дана очень строгая инструкция. Представление о том, что каждый волен отвечать все, что захочет, было чрезвычайно распространено, чему способствовало многократное повторение соответствующих заявлений в печати и по телевидению. Выступление В. Соколина, в котором он привел несколько абсурдных примеров ответа на вопрос о национальности, также не прошло незамеченным: нам рассказали по крайней мере о нескольких случаях, когда переписываемые демонстративно называли произвольную национальность и требовали ее фиксации на том основании, что «я так себя ощущаю». Из бесед с переписчиками мы могли заключить, что подобные примеры, использовавшиеся в ходе предпереписной кампании, определенно оказали влияние на некоторую часть населения, воспринявшую их в качестве образца. В то же время, не всегда можно было с уверенностью сказать, действительно ли переписчики рассказывают о реальных ответах, полученных от на-

селения, или они придуманы под впечатлением прочитанного в газетах или услышанного по телевизору.

Помимо «классических» примеров, приведенных Соколиным, которые без устали цитировались и, возможно, действительно были повторены некоторыми из опрошенных, переписчики рассказали нам о менее типичном случае: молодой человек, оба родителя которого – русские, потребовал, чтобы его записали норвежцем «по самосознанию», желая таким образом продемонстрировать свою независимость в отношении данного вопроса. Однако подобные случаи нечасты и носят, скорее, маргинальный характер. По первым наблюдениям, есть записавшиеся сибиряками, казаками и россиянами, но их число не очень велико. Отказов назвать свою национальную принадлежность, сомнений при ее определении не зафиксировано. Поэтому переписчики, когда мы расспрашивали их о том, с какими проблемами им пришлось столкнуться, не затрагивали в своих ответах проблему фиксации национальности. И только после наших прямых вопросов они начинали вспоминать различные, в основном анекдотические случаи. Подобное безразличие к «национальному вопросу» резко контрастирует с тем, что мы наблюдали в Республике Алтай.

Единственным человеком, который сам заговорил о проблеме фиксации национальности, был один из активистов Немецкого культурного центра. Он утверждал, что заметна изменившаяся установка: на сей раз никто не препятствовал немцам самоопределяться именно таким образом, в то время как при предыдущей переписи (1989 г.) были попытки записать их русскими. По его мнению, такой подход ведет к тому, что немцами записываются даже те, кого лично он немцами не считает. Он с готовностью изложил нам свою собственную концепцию «национальности», утверждая, в частности, что дети от смешанных браков немцев с представителями других национальностей (русскими, евреями и пр.) не являются в действительности немцами, даже если они заявляют о своей немецкой идентичности. Подобные рассуждения он использовал для обоснования критики в адрес политики российского государства в отношении немцев, ведущей к их полному исчезновению с российской земли. В то же время, такая позиция, показательная в том отношении, что исходит от лица, претендующего на роль представителя немцев Алтая, представляет собой, насколько мы могли заметить, единичный случай и не имеет широкого распространения.

По наблюдениям переписчиков скорее можно заключить, что потомки от смешанных браков (независимо от национальности родителей) по преимуществу записывались русскими. Иногда русскими за-

писывали детей даже в этнически однородных нерусских семьях (например, в семье, где оба родителя – таджики). Были и такие случаи, когда взрослые люди, носящие явно нерусские имя и фамилию или с трудом говорящие на русском языке, заявляли о себе как о русских.

Ни в печати, ни в устных разговорах нами не было отмечено следов какой бы то ни было кампании в пользу той или иной этнической идентификации, подобной тому, что мы наблюдали в Республике Алтай. В частности, казаки, у которых в крае есть свои организации, не выдвигали каких-либо требований в этом отношении. Отмечены несколько случаев, когда о своей принадлежности к казачеству заявили подростки – артисты фольклорного ансамбля «Казачата», созданного на базе одной из барнаульских школ (хотя их родители записались русскими).

Если вопрос о национальности не относится к особенно проблемным, то вопросы *о языке* вызвали более заметные сложности: Госкомстатом была разослана инструкция, предписывающая задавать вопросы о языке не так, как они сформулированы в переписном листе. (После вопроса о владении русским языком спрашивать о родном языке[23].) В случае, если родным языком окажется также русский, следовало делать отметку на полях переписного листа. Фактически некоторые переписчики вместо вопроса о владении русским языком сразу спрашивали: «русский язык для вас родной?» и ответ записывали в обе строки. Часто переписчики говорили о том, что они не считали возможным задавать вопрос: «владеете ли вы русским языком», поскольку до этого весь опрос шел на русском языке, и, следовательно, по их мнению, ответ был очевиден. Таким образом, следует иметь в виду, что в ряде случаев вопросы о языке формулировались и не так, как в переписном листе, и не так, как предписывала инструкция Госкомстата.

В отличие о вопроса о владении русским языком, вопрос о родном языке задавался практически во всех случаях. При этом русский язык называли родным не только русские, но и немцы, украинцы. Казахи чаще называли казахский.

В качестве «других языков», которыми владеет переписываемый, часто упоминались английский и немецкий, причем, по наблюдению переписчиков, таким образом обычно отвечают люди со средним общим или средним специальным образованием. Те же, кто имеет высшее образование, как правило, говорят о том, что их уровень знания

[23] Интересно отметить, что эту инструкцию переписчики получили только в Алтайском крае, тогда как в Республике Алтай, насколько нам удалось выяснить, вопрос задавался дословно как в переписном листе.

иностранных языков недостаточен для того, чтобы отметить «владение» ими.

Перепись и протестные действия

Перепись стала поводом для выражения протестных настроений населения по самым различным поводам. В некоторых случаях эти протесты, на первый взгляд, совершенно спонтанные и индивидуальные, имели выраженную политическую окраску. Так, зафиксированы отказы участвовать в переписи в знак неприятия глобализации и из опасения того, что данные переписи могут быть использованы Америкой для того, чтобы расправиться с Россией после того, как будет покончено с Ираком. С другой стороны, распространение через СМИ информации о примерах коллективных протестов сыграло роль своего рода школы: и переписчики, и представители крайкомстата рассказывали нам о множестве случаев коллективных отказов от участия в переписи до выполнения властями тех или иных требований (подключение отопления, горячей воды, устранение аварии электросети и т. п.). В данном случае роль СМИ, распространявших соответствующую информацию, очевидна, поскольку демонстративные (в знак протеста) отказы от переписи вызвали волну подражаний по всей стране и стали более заметным явлением, нежели причисление себя к фантастическим «национальностям».

Еще одну категорию «идейных отказников» составили верующие: православные и баптисты, которые заявили, что перепись не является богоугодным делом и, так же как введение ИНН (индивидуальных номеров налогоплательщика), представляет собой попытку государства отметить людей «печатью антихриста». Некоторые, впрочем, отказывались отвечать на вопросы переписи только 13 и 14 октября в связи с отмечаемым 14 октября православным праздником Покрова (в частности, настоятельница барнаульского женского монастыря попросила переписчиков не приходить в эти дни).

Накануне переписи Епископ Барнаульский и Алтайский Максим обратился к верующим через местную печать. В обращении, в частности, говорится: «Церковь никогда не препятствовала государственным мероприятиям, проведение которых не противоречит христианской совести. Наш земляк священник Никита (Прибытков), епископ Бийский, за участие в переписи населения на Алтае в 1897 году был награжден царской медалью. Истинному христианину всегда свойственно попечение о ближнем, любовь к земному Отечеству, поэтому участие в переписи населения сейчас не только гражданский, но и нравст-

венный долг. Я призываю православную паству поддержать это важное государственное дело».

Общее количество отказов «по религиозным убеждениям» незначительно.

Сложные вопросы

Как уже было сказано, в Барнауле во время бесед с переписчиками, работниками крайкомстата и пр. вопрос о национальности не поднимался нашими собеседниками по их собственной инициативе и не рассматривался в качестве проблемы. В то же время, большие трудности вызвал вопрос *об образовании*. По мнению переписчиков, он сформулирован крайне неудачно. Изменение образовательной системы в постсоветский период, появление новых типов учебных заведений, которые трудно отнести к традиционным категориям, вызывало множество затруднений как у переписчиков, так и у переписываемых. Например, учащиеся российско-американской спецшколы определяли ее как среднее специальное учебное заведение, в то время как ее официальный статус – среднее общеобразовательное учреждение; проблемы возникали и с ПТУ, многие из которых теперь дают диплом о среднем специальном образовании, а инструкция по-прежнему относит их к начальным профессиональным учебным заведениям.

Кроме того, сложным оказался вопрос о занятости, особенно *о сфере приложения труда*. И сами опрашиваемые, и переписчики, и инструкторы, и даже работники крайкомстата, по их словам, нередко не могли решить, к какой отрасли занятости следует относить ту или иную профессию. Переписчики жаловались, что во время обучения в качестве примеров заполнения формы «Д» разбирались самые простые случаи, так что реально они оказались неподготовленными по этому вопросу. В частности, они не получили ясной инструкции насчет того, следует ли определять отрасль занятости исходя из отраслевой принадлежности предприятия, где работает переписываемый, или из его собственной профессиональной принадлежности.

Проблемные группы населения

Для учета *мигрантов* в Барнауле были созданы переписные участки на железнодорожном вокзале, автовокзале и в аэропорту. 13 стационарных переписных участков было создано на городских рынках. Администрация рынков проинформировала торговцев, и они добровольно приняли участие в переписи. Случаев отказов не зафиксировано. Что

касается не работающих мигрантов, в частности, таджиков, которые на лето традиционно приезжают на Алтай и собирают милостыню на улицах, то они с наступлением холодов, т. е. еще до начала переписи, выехали за пределы края.

На постоянное место жительства в Алтайский край больше всего приезжает мигрантов из Казахстана. По словам заместителя председателя крайкомстата А. Давыдовой, абсолютное большинство их имеют регистрацию по месту жительства или пребывания. В приграничных с Казахстаном районах учтены мигранты вне зависимости от гражданской принадлежности. Участие в переписи лиц, не имеющих пока российского гражданства, было добровольным и сознательным, поскольку многие считали, что таким образом они официально подтверждают свое присутствие на территории России.

При работе *с бомжами* использовались два подхода. Во-первых, переписчики в сопровождении милиции посещали их в местах «компактного проживания» – на городских свалках, в землянках на окраине города и пр. Во-вторых, милиционеры проводили рейды, собирая бомжей на улицах, вокзалах и т. п., и доставляли их в отделения, где их подвергали санитарной обработке, кормили и затем вызывали переписчика с ближайшего переписного участка (как рассказали нам студенты барнаульского пединститута, на каждом переписном участке есть специальные люди, которые «выезжают на бомжей»). После этого, по некоторым неподтвержденным данным, переписанных отвозили обратно. По мнению заместителя председателя крайкомстата, представление о количестве бомжей, существующее в общественном сознании, сильно преувеличено.

Определенные трудности, связанные с боязнью людей сообщать какие-либо сведения о себе, возникли при работе в кварталах частной застройки, *богатые* жители которых иногда категорически отказывались от участия в переписи или вообще не впускали к себе переписчика.

Наконец, еще одной проблемной группой оказались *алкоголики*, к которым переписчикам приходилось ходить много раз, чтобы застать их трезвыми, причем иногда эта задача оказывалась практически невыполнимой, даже ранним утром.

Однако все эти факты единичны и, судя по всему, не создали серьезных сложностей.

Организационные проблемы переписи

Набор и обучение персонала

Подход к набору переписного персонала в двух регионах несколько отличался. В Республике Алтай основную массу переписчиков вербовали из безработных, хотя были привлечены и учителя, сотрудники сельских администраций и (в Горно-Алтайске) студенты. В Барнауле студенты составляли большинство переписчиков. Набор их осуществлялся в советских традициях, т. е. участие в переписи было не вполне добровольным. В частности, студентам гуманитарных факультетов работа переписчиками засчитывалась в качестве практики.

Обучение переписчиков в обоих регионах было недостаточно профессиональным, т. е. практически не рассматривались проблемы, которые могут возникнуть при заполнении переписных листов, а также возможные вопросы со стороны переписываемых. Также вообще не обсуждался вопрос о том, на каком языке должен проводиться опрос. В Барнауле на одном участке все обучение свелось к чтению вслух инструкции для переписчиков. Во время итогового тестирования также разрешалось пользоваться инструкцией. По признанию самих переписчиков, обучение дало им очень мало, с тем же успехом они могли бы прочитать инструкцию дома самостоятельно. Во время обучения не было уделено должного внимания необходимости задавать вопросы дословно так, как они сформулированы в переписном листе, не допуская никакой собственной инициативы.

Информация и агитация

В Барнауле была развернута массивная агитационная кампания. Повсюду были расклеены стандартные плакаты; призывы принять участие в переписи (часто с указанием адресов переписных участков) можно было увидеть на всех киосках, в витринах многих магазинов, на дверях гостиниц. Через центральные улицы протянулись перетяжки с официальным слоганом: «Впиши себя в историю России». Были организованы конкурс детских рисунков на тему «Какие мы – жители Алтайского края» и семейный конкурс «Моя родословная – родословная страны». Лучшие работы экспонировались в краевом художественном музее. Эта рекламная кампания выглядела особенно активной на фоне гораздо более скромной пропаганды в Республике Алтай, где нам удалось заметить всего четыре-пять плакатов в столице и несколько самодельных фанерных щитов в районах. Адреса переписных участков в Горно-Алтайске можно было узнать, похоже, только в местном стат-

комитете, а в райцентре Онгудай нам не могли сказать, где расположен переписной участок, ни в милиции, ни в паспортном столе, ни в районной администрации (в конце концов он обнаружился все же в здании администрации).

Переписчики жаловались нам, что благодаря многократному повторению в ходе информационно-агитационной кампании дат проведения переписи (с 9 по 16 октября) у них возникли трудности во время предварительного обхода, проводившегося с 4 по 7 октября. Бдительные горожане отказывались открывать двери, уверенно заявляя, что перепись еще не началась.

Местное телевидение транслировало рекламные ролики, посвященные переписи, и ежедневно передавало сводки выполнения «плана»: сообщалось, какой процент населения уже переписали. При этом никак не объяснялось, от какой общей численности исчисляется этот процент. Это настойчивое внимание к цифрам и долям очень напоминает традиции выполнения планов и достижения контрольных показателей и заставляет предположить особые усилия, направленные на достижение заранее запланированного результата. Таким образом, весьма вероятно, что окончательные итоги переписи будут ориентированы на соответствие предварительным цифрам, основанным на данных текущего учета.

Организационно-техническое обеспечение работы переписчиков

В Барнауле, по крайней мере на некоторые участки, не были своевременно доставлены в необходимом количестве все формы переписных листов, поэтому переписчикам иногда приходилось записывать ответы в блокнот и переносить информацию в бланки позже, когда они появлялись. Специальные гелевые ручки вышли из строя практически сразу, после чего они были заменены купленными в обычном киоске. Фонарики тоже достались не всем, поэтому в вечернее время приходилось брать их по очереди, под расписку. По словам переписчиков, «только свистков хватило на всех».

Инструктора зачастую нельзя было застать на участке, и при возникновении сложных вопросов не было возможности оперативно разрешить ситуацию.

Не всегда на должном уровне была обеспечена безопасность переписчиков, в частности, не налажено должное взаимодействие с милицией (по мнению наших информантов, это вина организаторов пере-

писи, поскольку милиционеры, в случае обращения к ним, не отказывались сопровождать счетчиков в «опасные» квартиры).

Использование дополнительных источников информации

Один из наиболее существенных недостатков, который может оказать особенно заметное влияние на надежность результатов переписи, – использование дополнительных источников информации для получения сведений о населении, не принявшем, по тем или иным причинам, участие в переписи.

Известно, что использовались данные паспортных столов – по крайней мере для того, чтобы зафиксировать отсутствующих. По утверждению заместителя председателя крайкомстата, в таких случаях отмечаются лишь одна–две позиции – пол, возраст, полностью же переписной лист не заполняется. Однако переписчики рассказывали нам, что в случае категорического отказа жителей от участия в переписи (в частности, речь шла о баптистах) или постоянного отсутствия кого-либо в квартире они получали все необходимые сведения в ЖЭУ, а также у соседей (не исключено, что кое-что дописывали и от себя, хотя прямо в этом никто не признался). Нам не удалось выяснить, была ли это личная инициатива переписчиков или же их инструктировали таким образом.

Вопросы, связанные с кодификацией полученной информации, подробно не обсуждались. В соответствии с процедурой переписи, на местах осуществляются только первичный ввод (сканирование) данных и логический контроль, собственно же кодировка и статистическая обработка производится кустовым методом в нескольких созданных для этого центрах, оснащенных соответствующей техникой и программным обеспечением. В частности, переписные материалы по Алтайскому краю и Республике Алтай будут обрабатываться в Красноярске. При этом сами переписные листы останутся на местах. Специалисты крайкомстата опасаются, что это создаст определенные сложности, поскольку в случае возникновения каких-то сомнений или вопросов будет трудно провести перепроверку. Никаких иных вопросов, кроме технических трудностей, в связи с предстоящей кодификацией не поднималось.

Выводы

Национальная самоидентификация в Республике Алтай, скорее всего, будет характеризоваться выраженными тенденциями локализма и ре-

гионализма. В отдаленных, изолированных районах под влиянием пропаганды ожидается значительная доля определившихся как теленгиты, кумандинцы, тубалары и др. В более доступных местах, вдоль Чуйского тракта, и особенно в городе, вероятно преобладание алтайцев. Здесь можно говорить о существовании оппозиций «открытость / закрытость»; идентичность республиканская (национальная) / идентичность локальная (этническая).

В Барнауле не зафиксировано проблем с этнической идентификацией, за исключением отдельных курьезов. Предварительные наблюдения позволяют сделать предположение о выборе в пользу русской этнической идентичности при определении национальности детей в смешанных семьях.

Охват населения переписью в наблюдаемых нами регионах должен быть достаточно полным. Важно отметить отсутствие массовых отказов от переписи и настойчивость переписчиков. В Барнауле была развернута масштабная рекламная кампания. В Республике Алтай рекламных материалов было меньше, но дискуссия в печати сделала свое дело и привлекла внимание населения. В целом можно сказать, что жители республики и края были хорошо информированы о переписи.

Данные по вопросу о языках, похоже, будут мало сопоставимыми. Налицо большие разночтения в формулировке вопроса (инструкция Госкомстата противоречит переписному листу; некоторые переписчики изменяли формулировку по собственной инициативе; инструктаж по этому поводу был нечетким).